

Татьяна Орбатова

Акварели

Лунница

Плывут птичьи гнезда
в обитель отживших птенцов,
тускнеет огонь изумрудный
в высоких прическах деревьев,
и шарик воздушный
с почти человеческим лицом
из августа в Лету стремится
дорожкой из облачных перьев.
Голубка луны незаметна
на том берегу,
голубка луны и креста –
ищет звездные гвозди на крыше...
А в мире живых
летний бриз чьи-то грезы колышет,
и девушка ищет
упавшую в море серьгу...

Зеркальные острова

1.

На дальнем пастбище –
молчаливый пастух,
в бороде его
узелки древних песен.
Тычутся овцы в землю

зеркалами снов своих.
Убитый ягненок
шепчет имена свои
травам и цветам,
плачет сердце его
дождем,
стучит
в окна мои...

2.

Долгая, долгая память –
синее небо, желтая рожь...

Остался
шепот скошенных лугов
в последней мелодии солнечного лета,
отражается
в глазах еще молодой осени...

3.

Может быть,
пестрые циннии слышат,
как распадаются горы
на бусы – новым планетам...
Может быть,
корни всех лун помнят,
как безупречны их судьбы
в рабском служении силе...
Может быть,
знают улитки,
сколько дорог умещается
в розе ветров...

Мы говорим «может быть»
бесконечно по кругу...

Мы говорим и растем
на слезах своих
непобедимо
зеркальными островами...

Акварельное

Я не считаю сентябри,
не жду декабрь или апрели...
Над морем синей акварели –
воздушные поводыри
забривших поэтов гонят
домой, к привычной суете.
Там крепкий гуж на хомуте
для скакуна или для пони,
там дух войны и детский смех,
там человек – «венец природы»,
там жив оксидом водорода
бездомный кот, тиран и снег...

Память

Помню не мед – над вереском
сонной пчелы полет.
Помню, крошился вдребезги
серый, миражный лед.
Время ломалось, с мертвыми
в землю входило, вглубь,
в душу ее, упертое,
метило – приголубь.
Голубь летел над городом,
с ним и мой сын – пострел,
в белой рубашке с воротом.
Воздух бедой звенел,
словно монетой, брошенной

в банку с надежным дном.
Катятся дни-горошины,
катятся за окном...
Память – земля без имени,
слой чернозема чист.
Может быть, кто-то выменял
имя – на павший лист.

Еще

Строка не задалась с утра.
Гонец предзимний иль сатрап –
холодный ветер бился в окна.
Катился осени кувшин
по кромке дня, и беззаботно
пинал его воздушный джинн.
Но паутины сонной нить
еще держала бабье лето,
еще душа была согрета,
еще хотелось осенить
крестом – восходы и закаты,
и каждого, чей мир распят,
спешащих вырасти ребят
и пламень слова языкатый...

Полет заоблачных стрекоз

До самой сути фиолетов
полет заоблачных стрекоз.
Их крылышки качают лето,
их души ткут метемпсихоз.
Зовут в себя их сны, сбываясь
псалмами солнечного дня.
Дрожит веревка бельевая,
спешит за ветром простыня.

Зверье, цветы, деревья, пашни –
на тонких крылышках скользят
в глаза рисунков карандашных,
в земную память стрекозят...

СЛОВО

Рассвет еще мерцал лилово,
еще сновидела земля,
но летний ветер на полях
уже искал живое слово.
Негромкое, ловчей стрижа,
исконное, древней божницы,
острей восточного ножа.
упрямой юного возницы.
Рождался день, и времена
ему дарили много строчек.
Но в слове том – тепло зерна,
улыбка сына или дочки.
Но в слове том – печаль бела.
Ровняла строчки (бог свидетель)
на небе – вечная швея,
рождался день, слова секретил,
листал минуты и меня...

